

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: БОБРУЙСКАЯ КРЕПОСТЬ

Клеванец Ю.В.

«Подъезжая (к Бобруйску) по дороге из Москвы и Могилева, прежде всего мы видим за рекой длинные крепостные валы с многочисленными фортами и еще большим числом амбразур. Дальше из-за крепостных верхов видны крыши казенных строений, купола церквей, шпили колоколен — местность действительно прекрасная! По наплавному мосту через Березину вы въезжаете в крепостные ворота и перед вами во все стороны расходятся красивые тополиные аллеи, там и сям видны большие крепостные строения, из которых многие выделяются украшениями и стройностью архитектуры. Всюду чистота и аккуратность чрезвычайные.

Но вот вы пересекли крепость, выезжаете через западные ворота и... перед вами потянулись жалкие избенки и грязные вонючие улицы... Вы с сожалением оглядываетесь на крепость и чувствуете, что только она, эта грозная крепость, поддерживает этот жалкий городишко, давая ему возможность сделать разнообразной свою промышленность больше, чем это можно делать во всяком городе губернии».

Так писалось о Бобруйске и крепости в середине XIX в. Как возникла эта твердыня, мы узнаем, если рассмотрим события, предшествовавшие наполеоновскому вторжению.

Итак, в 1807 г. императоры России и Франции заключили посреди Немана так называемый Тильзитский мир. Однако в высших эшелонах власти обеих стран никто, по-видимому, не сомневался в том, что это лишь временное соглашение, которое рано или поздно должно было прерваться новой войной.

Как сам царь, так и Главнокомандующий русской армией Барклай де Толли, а возможно, и другие высшие чины армии и государства уже понимали, что в прямом военном столкновении Наполеона одолеть нельзя. Следовательно, грядущая война по всем обстоятельствам должна стать для России войной оборонительной. По-видимому, тогда впервые было употреблено словосочетание «скифская тактика», то есть уход от решительных сражений, маневрирование, затягивание военных действий, расчет на неготовность противника к зиме.

Исходя из такой постановки задачи, оборона страны должна стать не скалой, но болотом, затягивающим вражеские войска.

В 1810 г. Генеральный штаб отправил на территорию современных республик Прибалтики, на

Украину и в Белоруссию несколько десятков офицеров инженерных войск для определения мест под строительство линии крепостей. Одним из этих офицеров был поручик Теодор Нарбут. Его задачей было обследовать Верхнее Поднепровье в районе Рогачева и Быхова.

Молодой офицер по прибытии на место ревностно взялся за дело. Однако вывод, который он сделал по результатам изучения местности, выходил за рамки предписания: крепость лучше всего строить не в Быхове, не в Рогачеве, а в Бобруйске.

Доводы Нарбута были такими.

Первое. Вся Минская губерния (Бобруйск был тогда в Минской, а Рогачев и Быхов в Могилевской губернии) неудобна как для размещения, так и для прохождения войск. Территория, за исключением окрестностей губернского города, малолюдна, покрыта лесами и заболочена. Четыре реки — Птичь, Свислочь, Березина и пограничная Друть — текут с севера на юг, имеют достаточно большую протяженность, широкие и в большей части заболоченные поймы.

Второе. Наличествуют всего две приличные дороги в направлении восток — запад, это Брест — Минск — Орша и Брест — Бобруйск — Могилев. Почти на всем своем протяжении в Минской губернии эти дороги представляют собой узкие лесные дефиле (слово «дефиле» имело 200 лет назад

иной смысл, чем теперь), что опять же затрудняет перемещение больших масс войск, но дает простор для всякого рода партизанских действий.

Третье. Обе дороги проходят мимо Быхова и Рогачева, тогда как Бобруйск стоит на одной из них и, соответственно, крепость, будь она там построена, запрет эту дорогу. На другой же дороге могут совершать диверсии летучие отряды из крепости, а в случае опасности — отходить назад.

Четвертое. Снабжение гарнизона можно вести по Березине. Противник, даже захватив берега реки, вряд ли сможет совершенно пресечь сообщение крепости с южными губерниями, поскольку ширина поймы в нижнем течении более двух километров, пойма покрыта густым лесом и заболочена.

Пятое. Для штурма крепости противник должен будет собрать большие военные силы, которые в окрестностях Бобруйска нельзя ни разместить, ни прокормить. В то же время даже и самый успешный штурм не приблизит решение стратегической задачи — овладение столицами империи.

Таким образом, крепость в Бобруйске была бы для Наполеона гирей на ноге или занозой, которую очень трудно выдернуть.

Молодой офицер горячо отстаивал свою точку зрения, его поддержал генерал-инспектор инженерных войск барон Карл Опперман. Решение о строительстве было быстро принято, тогда же был составлен план, земляные работы в Бобруйске начались уже 04.06.1910 г.

По плану крепость в Бобруйске представляла собой мощный военный объект. Основой его стали восемь кирпичных фортов с тяжелой артиллерией. Форты были прикрыты основным земляным валом, состоящим из бастионов и куртин. Внутри валов находились склады и погреба для боеприпасов. В главной линии валов были ворота: Рогачевские, Слуцкие, Минские, водяные. Со стороны поля валы были защищены системой люнетов, редутов, рвов, палисадов и «волчьих ям». На речке Бобруйке следовало построить плотину со шлюзами для заполнения рвов водой. Пруд перед плотинной — дополнительное препятствие для противника.

Под землей во все стороны расходились саперные галереи для противодействия подкопам и для вылазок в тыл противника. Прилегающая к крепости территория не должна была застраиваться — это были артиллерийские полигоны. За полигонами, на расстоянии не менее одной версты, допускалось только деревянное строитель-

ство, причем фундаменты домов должны были быть не выше 40 см.

На правом берегу Бобруйки для прикрытия плотины предполагалось возвести деревянное укрепление — форштадт. А на восточном берегу Березины — тет-де-пон («голова моста» — франц.). Общая длина основной линии обороны 3,8 км, площадь внутри крепостных валов — около 1 км².

Крепость строилась прямо на месте старинного города Бобруйска, часть жителей была выселена за периметр укреплений, однако и в 1812 г. внутри линии валов еще сохранялась частная застройка. Во время работ были разрушены или перестроены в пороховые погреба католический монастырь, костел и православная церковь.

В июне 1810 г. в крепости работало 1295 человек. В августе для ускорения работ сюда было переведено 12 батальонов инженерных войск. Все военные части были сведены в резервную дивизию под командованием генерал-майора Игнатьева, входящую в корпус генерал-лейтенанта Эртеля.

Кроме военных на земляных работах были заняты тысячи крепостных крестьян из Минской, Могилевской и Черниговской губерний.

На зиму в Бобруйске остались только те работники, что были заняты деревянным строительством. Техническим руководителем работ был сначала генерал-майор-инженер Фелькерзам, а после его смерти — полковник-инженер Федоров.

С марта 1811 г. в крепости снова оживились работы, и к концу этого года все основные укрепления были построены. Настало время для подвоза пушек и боеприпасов к ним, заполнения пороховых погребов, складов продовольствия и обмундирования.

Всего в Бобруйск было направлено: пушек в 24 фунта — 37 штук, 18-фунтовых — 37, 12-фунтовых — 86, 6-фунтовых — 55, коронад (это пушка небольшого калибра без колес) — 24, мортир 5-пудовых — 15, 2-пудовых — тоже 15 штук. Пушки отправлялись в Бобруйск из Шлиссельбургской и Кексгольмской крепостей водным путем через Двину волоком в Березину.

С началом военных действий часть солдат из Бобруйска была направлена в действующую армию, и из них была сформирована гренадерская дивизия генерала Воронцова. В крепости осталось всего 4000 человек.

Генерал-майор Игнатьев по окончании строительства стал комендантом крепости и как таковой, потребовал от местных властей, во-первых,

перегнать в Бобруйск все имеющиеся плавсредства с рек Свислочи и Березины.

Во-вторых, он приказал останавливать и направлять в крепость всех конных охранников, сопровождавших обозы в Бобруйском и Игуменском уездах.

В-третьих, Игнатьев наладил учебу в гарнизоне, солдат инженерных войск переучивали в артиллеристы.

В-четвертых, специальные команды из крепости объезжали деревни и имения уезда, отбирая там продовольствие и фураж. Всем помещикам, экономам, арендаторам предписывалось выполнять только приказы коменданта Бобруйска под страхом смерти, а местечки и деревни, где бы кто-либо не подчинился приказам коменданта, предписывалось сжигать. Игнатьев требовал от всех землевладельцев и должностных лиц уезда организовывать бегство в леса всего населения при приближении французов. При этом он все-таки не доверял местному дворянству и населению вообще, что можно понять из следующего пункта приказа: каждый из местных жителей, кто попадет с оружием в руках, будет немедленно расстрелян.

Игнатьев поддерживал постоянную связь с корпусом Эртеля и с отступающей по Бобруйской дороге 2-ой русской армией Багратиона. При подходе отступающих к Бобруйску он приказал отправить им навстречу обоз хлеба и фуража.

Армия Багратиона задержалась в Бобруйске 3 дня, после чего направилась на Могилев, забрав из гарнизона около 1300 солдат и оставив в крепости более 1500 раненных и больных. Багратион, кроме того, приказал генералу Эртелю выделить из своих сил для усиления крепости 4 сотни казаков. Так что общая численность гарнизона даже увеличилась.

В уцелевших фортах крепости Бобруйский детско-юношеский туристский центр проводит соревнования по скалолазанию и спортивному ориентированию. Фото из архива центра

Вслед за 2-ой русской армией к Бобруйску подошел преследовавший ее французский корпус генерала Латур-Мобура. Французы, по-видимому, поначалу намеревались осадить крепость, а для этого сделали попытку отогнать от нее на юг корпус Эртеля. Латур-Мобур захватил Рогачев, однако дальнейшие его действия были пресечены приказом Наполеона немедленно выступить к Москве. Под Бобруйск же были направлены поляки из 17-ой дивизии генерала Домбровского. Сил этой дивизии было недостаточно для штурма или регулярной осады (так, из артиллерии было всего 20 пушек), поэтому Домбровский решил просто контролировать дороги под Бобруйском.

Генерал Эртель без особой спешки и без особых усилий заставил уйти польские заслоны с дорог к югу и западу от города. Польский же гарнизон в местечке Свислочь продержался там до ноября 1812 г., после чего ушел по Минской дороге, преследуемый частями корпуса Эртеля.

Бобруйская же крепость, пробыв 4 месяца в тылу противника, превратилась в перевалочную базу, в место сбора резервов русской армии.